

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И ТРЕВОГИ

Молодой актер в кинематографе

ЗОВУТ ее Таня Божок. В среде кинематографистов она в рекомендациях уже не нуждается. А зрителю пока надо напомнить. Ее, возможно, еще не заметили в фильме «Каждый день доктора Калининской», но потом обратили на нее внимание в фильме «День свадьбы придется уточнить» и уж, конечно, запомнили санитарочку в картине «Они сражались за Родину». За короткий срок ее пригласили на десять ролей. Последние большие работы — в фильмах «Там за семью горами» и «Дамы приглашают кавалеров». Одним словом, это уже, если так можно выразиться, опытная начинающая актриса.

«Я выросла в семье, где не было библиотеки, а потому много читала. На это «а потому» прошу обратить внимание пресыщенных молодых людей, которые вяло слоняются перед книжными полками родителей. «А потом поступила во ВГИК, а там было модно читать Джойса и «Режиссура как практическая психология».

Но при этом был Сергей Федорович Бондарчук. Это он после «Они сражались за Родину» взял ее сразу на второй курс ВГИКа.

На съемки «Они сражались за Родину» к Бондарчуку школьница Таня пришла, вымазав все лицо в косметике, чтобы все поняли, что она взрослая и, конечно же, актриса. Сергей Федорович вздохнул, лицо отмыли.

После премьеры «Они сражались за Родину» многие знаменитости жали ей руку и говорили восторженные слова — блестящий дебют, все дороги открыты, главное — гореть в искусстве. И тем не менее после этого несколько лет Таня, уже штатная актриса киностудии, была предоставлена самой себе, никто не спешил приглашать ее «гореть».

«Понимаете, фильм Бондарчука позади, словно все кончилось. А он ведь меня растрогал, заставил думать. Во мне наболело, накопилось, а деть некуда. Нет роли, чтобы от этого освободиться».

Это к вопросу о молодых, которых могучая фабрика кинематографа вдруг бросает на произвол судьбы. Да, такое бывает. Но справедливости ради надо сказать и о другом. Для молодежи много придумано. Всевозможные объединения, мастерские, даже практически — киностудии. Дело за малым. Премьера в Доме кино — замечательно. Но перед этим «апофеозом» надо и поработать. А вот эта «деталь» в творческой судьбе не каждому молодому по вкусу.

Руководитель молодежного объединения сценаристов как-то заметил: «У нас в объединении примерно сорок человек. Половина из черта не делает, рассказывает о своей гениальности. Человек пятнадцать написали по одному сценарию и уже несколько лет празднично ждут, когда их сценарии поставят. Несколько человек работают как следует и, соответственно, имеют успех».

Одаренность Тани Божок хорошо оснащена трудолюбием. Казалось бы, чего еще?

«Понимаете, на съемках «Они сражались за Родину» все было так мне дорого, так трудно. Но, кроме этого фильма, в кино мне трудно не было. В кино все спешат, скорей хотят вернуться. Сейчас же. Стань так, повернись туда. Готово. Где же радость и муки, которые я пережила в «Они сражались за Родину»? А «стать», «повернуться» я уже умею. Нет, в кино мне не трудно. А вот в театре трудно. Режиссер Стрижов пригласил меня в Театр-студию киноактера на роль в пьесе «Полынь». Полгода он со мной мучился. Это была работа, труд. Я хочу, чтобы я уставала внутри. Ведь нам всем необходимо куда-то девать то, что «внутри». Виктор Максимович это понимает. И когда кончились наши замечательные репетиции, я даже расстроилась. Что-то важное в жизни кончилось... А в кино, нет, я не устаю. И не бываю счастлива».

Проце простого рассудить, что Татьяна Божок ближе искусство театра, чем искусство кино. Но даже если она сама так думает, это успешный вывод. Ведь как она рассказывает о работе над фильмом «Они сражались за Родину»? К тому же актриса располагает редкими профессиональными данными именно для работы в кино.

Если бы некоторые режиссеры хотя бы в разговоре с молодыми вышвырнули из лексикона лихую фразу «кино — это индустрия!» В театре тоже много организационных забот, но все они обрываются на рубеже «Актер». На площадку выходит Актер! И в этот момент он велик!

Велик радостью и страданием за всех нас, за наши чувства, за нашу жизнь. А его кромсают по дублям. Гонят пленку — авось, из пяти дублей что-то подходящее и выкроится.

Если кино — и режиссерский вид искусства, то только того режиссера, который находит в артисте неповторимого человека. В этом вы можете еще раз убедиться, посмотрев фильмы великих режиссеров. Былые режиссеры не спешили вытаскивать актера под «дуло» кинокамеры. Они не гнушались старомодным театральным репетиционным периодом. И Пудовкин, и Пырьев. Они вычерпывали и себя, и актера, не упоая на количество дублей. Может, «ретро» в этом и заключается — насыщенная жизнь актера, которая именно в силу насыщенности умещалась и в одну серию. Экстравагантный термин «кинороман» подразумевает нынче не столько глубину экранной жизни героев, сколько просто количество серий.

«Очень люблю старые фильмы, даже довоенные. Может, они и незамысловатые, но в них такая простая правда. Я еще и работать толком не начала, а уже приелась многозначительность в кино — все как-то громоздко, около жизни».

Из десятка ролей, которые она успела сыграть, в лучшем случае три могут взволновать и зрителя, и актера. Остальные — нечто симпатичное, вызывающее не более чем любопытство. А Таню волнует работа над ролью, а не премьера в Доме кино, человек, жизнь которого она должна прожить.

В спектакле «Полынь» Таня исполняет роль девушки, которая вернулась после войны из фашистского плена. На сценической площадке сразу проступила вполне понятная еще неопытность Тани, ее неумение экономно распределять свои силы. Здесь ведь никто не скажет: «Стань там. Посмотри туда. Дубль пятый». Здесь надо жить. И Таня живет всем своим человеческим существом. Это поистине трагическая роль. А многие ли актеры могут припомнить в своей творческой биографии такую роль? Единственная надежда на Шекспира или на Шиллера.

«Вся наша труппа идет на спектакль «Полынь», как на праздник. Правда, горький праздник. Я несколько дней не могу прийти в себя после этого спектакля. Вот такую бы роль в кино...»

ТАК что волнует молодую актрису Татьяну Божок? Что надобно ей? А надобны ей человеческое откровение, человеческая подлинность. Как и все, кто совсем молод, она больше замечает огорчения. Но уже в самом начале пути ей встретились два заботливых режиссера, два надежных человека. С возрастом она поймет, что это не так уж мало. Она ищет в людях истовости, честности, доброты, правды.

На склоне юных лет Татьяна Божок ставит сложные вопросы, но тем не менее говорить с ней просто. Она не грешит пикантным фрондерством, броской репликой. Ей важна суть. Впрочем, не будем наводить глянец. На самых первых шагах и с Таней было нелегко. Как и многим молодым, ей тоже страсть как хотелось поскорее произвести впечатление, изобрести что-нибудь ошеломляющее. Беспомощное, но искреннее стремление немедленно сказать свое слово. Конечно, можно бы и снисходительно улыбнуться и даже раздраженно одернуть. А стоит ли?

Вот что думает по этому поводу Сергей Аполлинариевич Герасимов:

«Я уже, знаете ли, давно не склонен поспешно смеяться над иной нелепостью молодого. Модные тенденции во ВГИКе колышутся, как туман. Молодому хочется скорей этим поразить, ошарашить. Над этим можно смеяться. А лучше — не смеяться: давай ошарашивай. Ведь с этого все начинается, со стремления сказать новое, необычное. Впрочем, ко второму-третьему курсу суетность проходит. Человек начинает думать, осмысливать свои возможности, возможности своего ремесла. Так что не надо одергивать, пусть ошарашит... если может».

Не надо сковывать молодую раскованность. На унылой почве ничего не произрастет. Наше дело — при полной, глубокой уважительности — молодым помочь. Я имею в виду — талантливым помочь. Бездарные, если что, и сами пробьются. Впрочем, в последнем я сомневаюсь. Пробьются, но куда?

Э. ГРАФОВ.